

«ЗА ОТЕЧЕСТВО» ИЛИ ...
(О МОТИВАХ ВСТУПЛЕНИЯ В ОПОЛЧЕНИЕ В 1812 ГОДУ)

Принято считать, что основная масса людей, добровольно вступавших в 1812 году в губернские ополчения, делали это из патриотических побуждений. На такой позиции стояли историки как XIX – начала XX в., так и, сместив, правда, акценты с дворянства и чиновничества на разночинные слои, исследователи Отечественной войны последних десятилетий.¹

Однако знакомство со сведениями об ополченцах-добровольцах биографического характера, прежде всего по периоду, предшествующему их поступлению в «народную военную силу», заставляет усомниться в правоте такого тезиса. Не претендуя на полноту анализа всего массива этих сведений, – только по Петербургскому ополчению к числу добровольцев можно отнести более 1 000 чел., от большинства из которых сохранились лишь сухие формулярные списки, почти не дающие материала для каких-либо выводов, – можно выявить ряд типичных мотивов вступления в ополчение, по крайней мере, петербургских чиновников и отставных военных. Эта категория лиц, из которых комплектовался офицерский корпус ополчения, составляет значительную по численности группу (около 500 чел.) и достаточно широко представлена в отложившихся в архивах документах.

Из этих документов достаточно определённо проступают следующие мотивы:

1. Большую роль играл фактор материальный. Во-первых, по «Положению о составе и устройении СПб военной силы» каждому обер-офицеру ополчения полагалось жалование в 30 руб. в месяц, т. е. 360 руб. в год, что примерно соответствовало годовому жалованию чиновников X–XII классов. Это обстоятельство не могло не привлечь в ополчение большое число служащих чиновников низших классов и, особенно, находившихся к лету 1812 г. «не у дел», а также отставных военных в невысоких чинах, получавших небольшие пенсии или вообще не имевших таковых. Наглядно характеризующими материальное положение, по крайней мере, части офицеров-ополченцев могут служить следующие факты:

а) из 14-ти чиновников Артиллерийского департамента, изъявивших желание поступить в ополчение, только четверо не имели перед департаментом долгов (один из этих четырёх, возможно, только потому, что поступил на службу в департамент лишь в начале июля 1812 г.)²;

б) в начале 1813 г. шестеро чиновников-ополченцев X–XIV кл. обратились с просьбой выдать им не только полагающееся за службу в

ополчении жалование, но и «провиант и порции, положенные нижним чинам, ибо оные (чиновники. – Ю.Ж.) по неимению никакого состояния терпят даже нужду в дневном пропитании»³.

Для состоявших на службе к лету 1812 года чиновников вступление в ополчение представляло и ту выгоду, что по решению Комитета министров за ними сохранялось не только их прежнее место службы, но и полагающееся им по этому месту жалование, которое выплачивалось по возвращении из похода. Для некоторых чиновников соблюдение этого положения было чуть ли не основным условием их вступления в ополчение – так, медалер Монетного двора И.А. Шилев в прошении об увольнении прямо просил: «оставить при мне то жалование, которое я ныне получаю, и числить по службе при том же месте которое я ныне занимаю, сия награда доставит мне случай совершить мои предприятия»⁴. Кроме того, известно, по крайней мере, два случая, когда чиновничье жалование ополченцев по их прошениям с самого начала выплачивалось другим людям (у одного – родственнику, у другого – знакомому).⁵ Очень возможно, что причиной таких просьб была необходимость содержать родных ушедших в ополчение.

2. Достаточно явно из документов проступает желание многих бывших военных, покинувших службу (нередко не по собственному желанию) в невысоких чинах, вернуться к ней. Имелись в составе Петербургского ополчения и штаб-офицеры, отставленные за нарушения по службе. Для тех и для других вступление в ополчение было в какой-то мере возвращением на свое прежнее поприще. Одним из наиболее ярких представителей первых из них может служить отставной поручик М. Перегудов. Ещё до начала войны он изъявил желание вернуться на военную службу, но когда стало собираться «для защиты отечества военное ополчение» он, «горя любовию к оному (т. е. отечеству. – Ю.Ж.) и не дождав[шись] приказа (о зачислении на военную службу. – Ю.Ж.), поступил в оное». После излечения от ран, полученных в Полоцком сражении 6–8 (18–20) октября 1812 г., Перегудов вернулся в свою дружину. Но т. к. к этому времени (весна 1813 г.) дружина стояла гарнизоном в глубоком тылу, он стал ходатайствовать «об отпращивании... в действие к армии»⁶. В июне он получает такое разрешение, и вместе с еще 35-ю офицерами Петербургского ополчения приказом Александра I от 3 июля 1813 г. переводится в регулярные войска (ещё осенью 1812 г. русское командование для восполнения недостатка офицеров в регулярных войсках предложило поступать на военную службу офицерам ополчений, и многие петербургские ополченцы откликнулись на это).⁷

3. К вышеуказанной причине примыкает еще одна – попытка службой в ополчении загладить свои какие-либо прежние провинности. Эта причина была не столь распространенной – из имеющихся документов она

хорошо прослеживается только у одного генерала, трёх штаб- и одного обер-офицера (один из штаб-офицеров, например, майор И.А. Галяменский, был отставлен от службы в 1805 г. за неповиновение начальству и вступил в ополчение буквально сразу после выхода из-под продолжавшегося три года ареста⁸). Однако, учитывая указ Александра I от 3 сентября 1812 г. о дозволении принимать в ополчение чиновников, «которые обвинены за маловажные проступки и не должны быть приговорены к лишению чести или чинов», таких людей явно было больше. Правда, следует отметить, что командование Петербургского ополчения достаточно строго подходило к отбору кандидатов на офицерские вакансии. Одно из свидетельств тому – документы об отставном гвардейском поручике Н.С. Витковиче. Этот офицер уже вступил в один из конных полков Петербургского ополчения, когда начальству стало известно, что он «прикосновенен к судному делу», находящемуся в производстве. Витковича немедленно исключают из полка и, несмотря на то, что тот изъявил желание «оправдать поступок свой на поле чести», обратно, судя по всему, уже не принимают.⁹

4. Нельзя сбрасывать со счетов и такой побудительный мотив, как стремление прославиться, быстро сделать карьеру. Любая эпоха потрясений, нестабильности, к которой относится в т. ч. и война, поднимает на поверхность большое число честолюбивых людей, которым в иных условиях было бы трудно себя проявить. И вполне естественно, что с объявлением сбора ополчения такие люди откликнулись на этот призыв. К числу таковых, судя по имеющимся о нём сведениям, относится коллежский регистратор П.Ф. Вильгельмов. Он один из первых – уже к 26 июля – изъявляет желание поступить в ополчение. Именуя себя во всех документах инженер-прапорщиком (очевидно, на том основании, что за год до этого учился в институте корпуса путей сообщения, где и получил этот чин, хотя после этого перешёл на гражданскую службу с чином коллежского регистратора), он вступает в ополчение «по избранию дворянства» (не являясь при этом дворянином и явно сам предложив свою кандидатуру), но не в пешие дружины, в которые, собственно, и «избирало» дворянство своих представителей, а в один из конных полков Петербургского ополчения, формировавшихся из добровольцев (волонтеров) и поэтому являвшихся более «престижными» частями. А буквально накануне отправки на театр военных действий пешего ополчения Вильгельмов переводится в него – по-видимому, потому, что формирование и, соответственно, выступление в поход конного полка затянулось, – и устраивается дружинным адъютантом. В 1813 г. он уже служит в высоких штабах и возвращается из похода подпоручиком с двумя российскими и прусской наградами.¹⁰

5. В какой-то мере близкими к предыдущему являются и такие факторы как использование вступления в ополчение для ухода от трудностей будничной жизни, от ставших непосильными житейских проблем и забот или просто нежелание работать, нести какие-либо обязанности. Так, 49-летний титулярный советник Ф.Г. Борзиков после непродолжительной службы в гвардии сначала дважды «определялся» в Тверскую управу благочиния и увольнялся из неё, затем также дважды – в петербургскую полицию и, наконец, после трёхлетней службы в Коммерц-коллегии, после увольнения из которой нигде не служил почти 5 лет, поступил в Артиллерийскую экспедицию, но через 3 с половиной года при реформировании этого ведомства был уволен. Летом того же года он уходит в ополчение, оставив дома жену и трёх детей в возрасте от 5 до 12 лет.¹¹

К числу таковых, по-видимому, можно отнести и помещика Курской губернии И. Устинова: у себя на родине он оказался вовлечённым «в тяжбу с казенными поселянами», владевшими его наследственной землей, и приехал в Петербург «для исходатайствования у верховного начальства правосудия», однако, не завершив этого дела, вступил в ополчение. Хотя, вполне возможно, у Устинова, как бывшего военного, в 1794 г. «за болезнь отставленного в отставку», был и другой мотив вступления в ополчение, отмеченный выше, а именно: материальный, т.к. по возвращении из похода обратился в учрежденный императрицей Елизаветой Алексеевной комитет с просьбой о денежной помощи, «не имея никакого пропитания ни здесь в Санктпетербурге проживать, ни возвратиться... в место всегдашнего жительства в Курскую губернию»¹².

Показательным примером того, что у одного человека могут быть несколько причин для вступления в ополчение, может служить и биография губернского секретаря О.С. Ступина. Прослужив 10 лет на различных чиновничьих должностях в провинции (Могилев и Бабиновичи), он после полуторалетнего перерыва появляется в Петербурге – поступает в Артиллерийскую экспедицию, но к лету 1812 г., очевидно, в связи с реорганизацией учреждения весной этого года, оказывается состоящим сверх комплекта, получая вследствие этого жалование (кстати, как и ряд других чиновников Артиллерийского департамента, служивших, как и он, писцами и изъявивших желание вступить в ополчение) «большой частью из остатков от положенной на штатных (т. е. находящихся в штате. – Ю.Ж.) чиновников, по неполному комплекту оных...» и имея долг перед департаментом в 46 руб. 50 коп.¹³

Какую часть от всех офицеров Петербургского ополчения составляли люди, вступившие в него по одной или по нескольким из вышеперечисленных причин, или же без их влияния, из тех, кто пошёл в ополчение, в первую очередь, под воздействием патриотического порыва, естественно, невозможно

установить точно. И хотя документы дают право утверждать, что таких людей было немало, этот вывод ни в коей мере не умаляет значения совершённого ими – в той или иной мере они внесли свой вклад в победу над врагом, защитили от него своё Отечество.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Подробнее см.: Жмоликов Ю.Л. Вопросы формирования Петербургского ополчения в отечественной историографии // Бородинская конференция, 1994. С. 17–23.
- ² Архив ВИМАИВиВС. Ф. 3. Оп. Генеральное повыгье. Д. 2388. Л. 23, 25, 26.
- ³ ЦГИА СПб. Ф. 189. Оп. 1. Д. 238. Л. 134 об.–135 об.
- ⁴ РГИА. Ф. 37. Оп. 20. Д. 1008. Л. 12–12 об.
- ⁵ РГИА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 36. Л. 7–8; Ф. 37. Оп. 20. Д. 1008. Л. 8-9; Д. 1261. Л. 1–2.
- ⁶ ЦГИА СПб. Ф. 189. Оп. 1. Д. 275. Л. 62–62 об.
- ⁷ Там же. Д. 221. Л. 661; Д. 222. Л. 418, 511 об.; Д. 275. Л. 64, 244–247.
- ⁸ Там же. Д. 226. Л. 66; Д. 308. Л. 105, 117.
- ⁹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. 1812. Д. 280. Л. 15–15 об.; Д. 298^а. Л. 52 об.
- ¹⁰ ЦГИА СПб. Ф. 189. Оп. 1. Д. 160. Л. 4 об., 92 об.; Д. 221. Л. 483 об., 486; Д. 222. Л. 715; РГИА. Ф. 37. Оп. 20. Д. 992. Л. 3 об.; Д. 1008. Л. 3; Д. 1170. Л. 123 об.–125.
- ¹¹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 3. Оп. Генеральное повыгье. Д. 2429. Л. 13 об.–14.
- ¹² Там же. Л. 445 – 446 об.
- ¹³ Там же. Д. 2388. Л. 17 об., 30 об.–34.